

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ
Г. МОСКВА

8 СЕН 1988

Встреча с интересным человеком

Кинорежиссер Георгий
Левашов-Туманишвили:«Только правда
исцелит нас всех...»

Мы познакомились с Георгием Левашовым-Туманишвили, кинорежиссером, художественным руководителем творческого объединения документальных фильмов студии «Грузтелефильм», года два назад на съемках картины «Лунный глобус». Между нами произошел такой диалог.

— Я слышал, вы снимаете фильм о цирке. Это правда?
— Вполне.

— Но здесь, я вижу, происходит что-то другое.

— Это вам только кажется.

— Тогда ответьте, пожалуйста, почему вы снимаете в подвале?

— Вас этот момент смущает?

— Да как вам сказать... Кто герои фильма?

— Люди, влюбленные в искусство.

— Как развивается сюжет?

— Понятия не имею.

— Вы хотите сказать, что пока не знаете, что у вас получится?

— Угадали.

— Простите, вы снимаете документальный фильм?

— Возможно.

— Я вижу: меня снимают... Это заложено в вашем сценарии?

— Нет, но поскольку вы пришли к нам, то автоматически стали участником нашего фильма.

— Интересно, какую роль вы мне уготовили...

— Журналиста. Вы, как я понял, пришли писать репортаж со съемочной площадки. Очень хорошо. Занимайтесь своим делом и не обращайтесь внимания на камеру.

— Благодарю за доверие, но я плохой актер.

— Нет плохих актеров, есть плохие люди.

Надеюсь, вы человек добрый.

— А вдруг я сделаю что-то не так?

— Хотя на голове стойте. Уверю вас, вы напишете превосходный репортаж, а я постараюсь снять не менее превосходный фильм.

Идет?

же, если бы он вообще не позвонил. Но наше перемирие продолжалось недолго. Точнее, до того самого момента, когда я представил заведующему кафедрой режиссуры свою трактовку мольтеровского «Лекаря поневоле», где всех отрицательных героев сделал положительными и наоборот. Столь вольное обращение с классикой вызвало взрыв недовольства, моя работа была разорвана в клочья. С обещанием вышвырнуть меня из института... Как вы догадываетесь, заведующим кафедрой был дядя Миша.

Я «расквитался» с ним. Но это было позже. Я снял про него фильм и назвал «Сквозное действие». Я часами заставлял его позировать перед камерой, я допрашивал его с пристрастием. Не из ехидства. Это была моя работа. Мне надо было раскрыть характер большого художника, человека сложной судьбы, фронтовика, дважды бежавшего из концлагеря и закончившего войну в партизанском отряде. Вот как выглядел процесс съемки:

лению, знают только специалисты. Телезритель, настроившийся на перемены, опять оставлен в дураках. Теперь, согласно этому вердикту, мы не можем без согласования с центром изменить даже объект съемки. Вышло так, что разговоры о самостоятельности — пустой звук. В очередной раз благие намерения оказались подмятыми мощной бюрократической машиной, способной к самовоспроизводству.

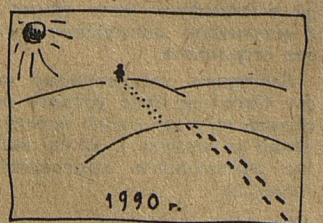
— Так вот он, главный враг — бюрократ?

— А вы еще сомневаетесь? Главного врага мы все определили довольно четко. Но этого мало — определить. Нужно ведь еще и бороться. Как? На этот счет у меня свое мнение. Я вырос на улице и хорошо изучил ее законы. Надо давать сдачи. Всегда. Понимаю, что это не лучший метод, но иначе, мне кажется, с ними не договориться.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЖЕНЫ: «С ним очень трудно. Он все время куда-то спешит. Он непредсказуем в своих действиях. Вы знаете, Гоги — максималист, он фанатик, как и его дядя, хотя они совершенно разные люди. Сколько раз казалось, что я этого не выдержу. Но ничего, привыкла».

— Ну, что — будем заканчивать? Последние два традиционных вопроса: «Чем вы сейчас занимаетесь и что собираетесь снимать в будущем?»

— Как вам известно, главная забота сейчас — фестиваль. Первый у нас в стране международный фестиваль телевизионных фильмов «Золотое руно». Он проходит на теплоходе «Грузия». Необычно? В этом-то и вся сложность. На мне было торжественное открытие, а теперь — и закрытие фестиваля. Что касается планов, то пока наверняка знаю одно. Есть договор со студией Грузинфильм на постановку художественной ленты «Мальчик». Это будет попытка разорваться в проблеме внутренней свободы человека. Что закрепощает нас, что мешает нам свободно мыслить, свободно жить? Что есть наша истинная радость и наша истинная боль? И почему, предав однажды, человек уже не может не предавать впредь. Прошлое, настоящее и будущее слиты воедино в каждом из нас. Но отчего так мучительно осознание этого триединства? В жизни все взаимосвязано, и каждый наш проступок рано или поздно мстит за себя, мстит безжалостно и неотвратимо. Так как же предназначение человека на земле, в обществе? Почему, находясь даже на грани, казалось бы, неизбежной катастрофы, человек не теряет оптимизма, верит в будущее? Мой герой, дабы понять себя, возвращается в детство. Но как же нелегко возвращаться...

Беседу вел
Николай КВИЖИНАДЗЕ.
ТБИЛИСИ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛИСТА: «Я сначала никак не мог понять, что привлекает меня в его фильмах. Потом понял. Размышляя о вечности искусства («Премьера»), пробивая толщу бюрократизма и казенщины («Эксперимент»), разгадывая тайну стремления художника к истине («И падал снег над белыми садами»), развенчивая хамство, невежество и цинизм («Мы ли это?»), он плетет ткань эпизодов на грани вымысла и реальности. Он не выстраивает кадр, он создает атмосферу и дает ей возможность существовать самостоятельно. И мы становимся свидетелями животрепещущего искусства. Быть может, это совершенно новый жанр — документальная трагикомедия? Герои его — простые люди. Водитель троллейбуса, крестьянин, клоун, рабочий... Они живут в его фильмах и рядом с ним. Они становятся его друзьями и если не звонят, у него портится настроение. «Представляешь», — сказал он мне однажды с грустью в голосе, — дядя Карлен умер, трубочка из «Лунного глобуса». И, задумавшись на мгновение, неожиданно продолжил: «Буду пробивать на телевизионный передачу о нем. Большую. Материала хватит. Слушай, а знаешь, как она должна начинаться?..»

— ...?

— У моей бабушки был большой ореховый шкаф. В детстве я любил в него забираться и сидел там часами. Я наблюдал оттуда, как бабушка заваривает чай, а дядя Миша репетирует со своими студентами. Все они потом стали знаменитостями, и мой дядя — народный артист СССР, режиссер театра Михаил Туманишвили. Меня неудержимо тянуло к ним, но дядя был строг. Я видел из шкафа улицу и прохожих, спешащих невест куда, бездомную собаку, мокнущую под дождем, видел продавца маони на ослике и сварливую соседку Рогнеду Вахтанговну... Видел весь мир. Я приоткрывал дверцы, если меня что-то радовало, и наглухо захлопывал их, если огорчало. Оставшись в полной темноте, я фантазировал. Я создавал в воображении свой мир — прекрасный и яростный. Мне хотелось жить в этом мире. Принцип шкафа я нашел в кино. Только это была уже не дверца шкафа, а объектив кинокамеры.

— Выходит, перед вами не стояла проблема выбора пути?

— Я всегда знал, что иду в кинематограф, но по молодости путался в дорожных знаках и иногда выбирал направление, прямо противоположное цели. Так по настоянию бабушки я поступил в Тбилисский государственный университет на факультет востоковедения, где чудом продержался три года. Вылетев из университета, я решил проявить характер, пошел к дяде Мише и вручил ему свою первую режиссерскую разработку, заявив, что

хочу работать в кино. Он внимательно прочел рукопись, задумчиво посмотрел мне в глаза и, обратившись к бабушке, сказал: «Внуши этому остопоу, чтобы в ближайшие двадцать лет он и думать не смел о режиссуре». После этого семейный совет постановил, что я должен идти в Академию художеств.

— Так вы еще и художник?

— Свой первый рисунок я создал в три года.

— Надо полагать, что и с академией у вас ничего не вышло?

— Я тоже думал, что толку из этой затеи не будет, и, когда получил за дипломную работу пятерку, а вместе с ней и право работать художником в кино, искренне удивился. Но все это — фасад. В душе я был подавлен и стоял на перепутье. Те годы в моей судьбе были наполнены разбродом и шатаниями. Чего только не случилось тогда. Я дружил с кем поало, влезал в разные истории, мою фамилию знали в милиции.

— Я кое-что слышал о ваших приключениях...

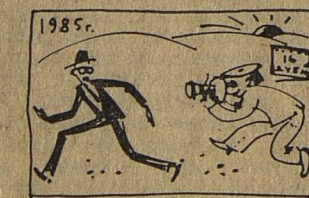
— Я не снимаю эти годы потерянными. Они были насыщены интересными событиями, яркими образами, навсегда врезавшимися мне в память. Я не потерял себя — со мной был мир моих фантазий. И вот я узнал совершенно случайно, что в театральном институте открывают факультет кинорежиссуры. Вы бы видели лицо дяди Миши, который был членом приемной комиссии, когда я влетел на экзамен. Он подскочил как ошаренный и выскочил из аудитории, хлопнув дверью. Экзамен продолжился без него. Так я снова стал студентом.

— Наконец-то вы стали на путь истинный. И сняли на первом курсе четырехминутный фильм «Ступеньки»...

— Мне пришлось в голову снять картину, в которой главными персонажами были... ноги. Они куда-то спешили, кого-то ждали, грустили, влюблялись, изменяли... Фильм должны были показать по телевидению. В семье был праздник: «Наконец-то этот непутевый что-то довел до конца». Был накрыт стол на шестьдесят человек, приглашены даже самые дальние родственники. И что вы думаете? Лента была прервана полтора часовым докладом Брежнева на самом интересном кадре. Вот он:

— Я проклял все на свете. Но тут неожиданно позвонил дядя Миша и мрачно спросил: «Чем же закончилась эта ерунда?» Я вновь воспрял духом. Было бы ху-

СВИДЕТЕЛЬСТВО УЧИТЕЛЯ: «Если бы у меня было столько энергии, сколько у моего племянника, я уже давно бы записался в какой-нибудь сверхмарафон. Он меня подавляет! Когда я встречаюсь с ним, мне хочется спрятаться, потому что он прет, как танк. Поражаюсь, как он делает свои картины. Обтросив сценарий, он спускается в грязный подвал или выходит на московские улицы, или забегает в глухую деревушку и снимает все подряд, транжиря казенную пленку. Как ни странно, из всего этого у него получается кино. Подумать только — его даже хвалят за это».

— Вы сняли около десяти картин. Какая вам дорожка все-го?

— «И падал снег над белыми садами». Но не потому, что это мой единственный пока художественный фильм. Да еще и двухсерийный. Просто у него была трудная судьба. Он пролежал на полках около пяти лет.

— По какой причине?

— Мне сказали: «Фильм — многоплановый, с подтекстом». В общем, в упрек ставилось то, что испокон веку считалось достоинством любого художественного произведения.

— А потом картина получила специальный приз жюри международного кинофестиваля в Италии, в Кьянчиано-Терми. И, кажется, это был первый советский фильм, получивший награду на этом кинофестивале. Но, как говорится, что было, то было. Сейчас-то стало легче, наверное?

— Безусловно. Но гарантий, что те времена не вернуться, увы, нет. Вот свежий пример. На недавнем пленуме Союза кинематографистов, посвященном развитию телевизионного кино, остро ставилась проблема унижения бюрократической опеки центра над фильмопроизводителями студиями страны. Диктат тут недопустим — на этом твердо стояли все выступающие. Позже, в июле, во время телемоста Тбилиси — Москва — Вильнюс, я напрямую спросил первого заместителя председателя Гостелерадио СССР Л. Кравченко, получают ли наконец местные студии автономию? Ответ последовал незамедлительно: «Вы меня спрашиваете конкретно. Я вам так же конкретно хочу ответить: да, получают». Этот ответ прозвучал на всю страну. Его слышали миллионы людей. А потом пришел приказ из того же Гостелерадио, где условия, регламентирующие нашу работу, еще более ужесточены. Поистине драконовские даже по меркам застойного времени. Об этом приказе, к сожа-

Не знаю, удался ли мой репортаж, зато фильм «Лунный глобус» был отмечен призом жюри на XII Всесоюзном кинофестивале в Минске, а на недавнем международном фестивале телевизионных фильмов в Монте-Карло завоевал бронзовую медаль и приз Армана Лану. В нем я увидел себя скептически настроенным человеком, которая пытается расчленив произведение искусства на составные части с тем, чтобы найти в них уязвимые места.

Готовясь к настоящему интервью, я решил (назло «врагу») доиграть свою роль до конца. Собеседник с нескрываемым удовольствием поддержал мои намерения.

— О чем «Лунный глобус»? — начал я. — Не о том ли, что в нашем «безумном, безумном, безумном мире» все меньше места мечте и что она вынуждена ютиться в подвалах, подобно тому, где мы с вами познакомились?

— Быть может, — ответил он.

— Не слишком ли пессимистично?

— А вы считаете, у человечества есть основания для безоглядного оптимизма? А экологические проблемы? А озоновая дыра над Антарктидой? А гонка вооружений? А Чернобыль? А СПИД? Все это не может не волновать. Надо действовать, объединив усилия людей всей планеты. Сегодня. Сейчас. Завтра может быть поздно.

— Что же вы предлагаете, спуститься в подвалы? А кто останется наверху, кто будет делать жизнь там?

— Не надо спускаться в подвалы. Достаточно каждому из нас однажды спросить себя: так ли живу, так ли чувствую, мыслю?

— Вся наша страна задается подобными вопросами.

— К счастью, пришло это время. Мы очищаемся от скверны. Мы наконец-то учимся говорить правду. Только она, оголенная и, быть может, жестокая правда, и есть тот лекарь, что исцелит нас всех. На наших глазах в муках рождается здоровый жизнеспособный ребенок — новое общество. Роды эти, на мой взгляд, невозможны без жестких правдолюбцев и безудержных мечтателей.

— Вы считаете, что мир могут спасти мечтатели?

— Я в этом убежден. Представьте себе, что было бы с человечеством без Дон Кихота, Пьера Безухова, Витязя в тигровой шкуре, Мастера и Маргариты, без Иисуса Христа, наконец...

— Вы говорите о вымышленных героях.

— Они — сама реальность. Рожденные человеческим гением, они живут в каждом из нас и руководят нашими поступками.

— Теперь мне кажется, что вы смотрите на мир сквозь розовые очки...

— Я смотрю на мир в щелку приоткрытой дверцы шкафа.

— ?